

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-410-437

Научная статья

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ И НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.В. Гаврилова

Кемеровский государственный университет
650000, г. Кемерово, Российская Федерация, ул. Красная, д. 6

Актуальность настоящей работы обусловлена современными процессами регулирования рынка юридических услуг, свойственными как для России, так и для суверенных государств на постсоветском пространстве, в целях обеспечения конституционного права на квалифицированную юридическую помощь. Цель работы предопределена анализом представлений о квалифицированной юридической помощи в ретроспективном и современном понимании. Основой исследования послужили нормативные правовые акты, включая памятники права, и научные труды (научные публикации, монографии), посвященные вопросам развития юридической помощи. Исследование осуществлено посредством совокупности сравнительно-правовых методов: диахронный метод позволил сравнить основы юридической помощи, существовавшие в разные исторические периоды; синхронный метод дал возможность сопоставить правовую реальность России с другими странами. Посредством проблемно-хронологического метода исследованы существенные особенности эволюции представлений о юридической помощи, находящихся в прямой зависимости от социокультурных трансформаций политической и правовой системы государства. Формально-юридический метод способствовал анализу и толкованию норм, реализация которых детерминирует современные процессы профессионализации юридической помощи. Исследование дореволюционного законодательства России позволило сделать вывод о том, что традиционное понимание оказания профессиональной юридической помощи адвокатами складывается в процессе социокультурной модернизации правовой системы в период реализации Судебной реформы 1864 г. Парадигма правового нигилизма в первые годы советской власти обусловила отсутствие каких-либо квалификационных требований к лицам, которые могут оказывать юридическую помощь, что предопределило устойчивую практику адвокатов, не имевших профессионального образования. Либерализация законодательства периода оттепели способствовала возвращению к традиционному пониманию юридической помощи. Регулирование юридической помощи в современных государствах осуществляется в русле имплементации международных стандартов в национальное законодательство.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, профессиональное представительство, адвокатура, юридическое образование, профессионализм

© Гаврилова А.В., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования:

Гаврилова А.В. Развитие института квалифицированной юридической помощи в России и на постсоветском пространстве // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 2. С. 410–437. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-410-437.

Дата поступления в редакцию: 22 января 2020 г.

Дата принятия к печати: 10 апреля 2020 г.

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-410-437

Research Article

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE IN RUSSIA AND THE FORMER SOVIET UNION

Anzhelika V. Gavrilova

Kemerovo state University

6 Krasnaya str., 650000, Kemerovo, Russian Federation

Abstract. The relevance of this work is due to the modern processes of regulation of the legal services market, typical both for Russia and for sovereign States in the post-Soviet space, in order to ensure the constitutional right to qualified legal assistance. The purpose of the work is predetermined by the analysis of ideas about qualified legal assistance in a retrospective and modern sense. The research was based on normative legal acts, including monuments of law, and scientific works (academic publications, monographs) devoted to the development of legal aid. The study was carried out using a set of comparative legal methods: the diachronic method allowed us to compare the basics of legal aid that existed in different historical periods; the synchronous method made it possible to compare the legal reality of Russia with other countries. The problem-chronological method allowed to study the essential features of the evolution of ideas about legal aid that are directly dependent on the socio-cultural transformations of the political and legal system of the and interpretation of norms, implementation of which determines the modern processes of professionalization of legal aid. The study of pre-revolutionary legislation of Russia allowed us to conclude that the traditional understanding of the provision of professional legal assistance by lawyers is formed in the process of socio-cultural modernization of the legal system during the implementation of the Judicial reform of 1864. the Paradigm of legal nihilism in the first years of Soviet power resulted in lacking any qualification requirements for persons who can provide legal assistance, which predetermined the stable practice of lawyers who did not have professional education. The liberalization of legislation during the thaw period contributed to the return to traditional understanding of legal aid. The regulation of legal aid in modern States is carried out in line with the implementation of international standards in national legislation.

Key words: qualified legal assistance, professional representation, advocacy, legal education, professionalism

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation:

Gavrilova, A.V. (2020) Development of the institute of qualified legal assistance in Russia and the former Soviet Union. *RUDN Journal of Law*. 24 (2), pp. 410–437. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-2-410-437.

Article received January 22, 2020

Article accepted April 10, 2020

Введение

Современный период российской государственности напрямую связан с обновлением конституционного законодательства, отправной точкой которого стало принятие 12 декабря 1993 г. Основного закона РФ. Этот период может быть оценен в качестве переходного этапа на пути формирования демократического общества, характеризуется реализацией коренных политических, социальных и экономических реформ, нацеленных на созидание правовой и социальной государственности, в условиях которой человек, его права и свободы провозглашаются общечеловеческими ценностями, а их защита — конституционной обязанностью государства (Balayan, 2015:111). Таким образом, реализация и защита прав и свобод человека и гражданина в современных условиях занимает одно из приоритетных направлений государственной политики в России и на постсоветском пространстве (Ragimov, Baburin, Golik, 2019:336–337), а право на квалифицированную юридическую помощь является гарантией соблюдения всех иных прав и свобод, образующих, в совокупности, правовой статус личности.

В то же время идеальность концепции прав человека позволяет сделать вывод о ее мифологичности и своеобразии реализации прав человека в каждом отдельном государстве, поскольку правовой миф — это в первую очередь направление, долженствование, в рамках которого государство стремится к совершенствованию механизма их охраны с учетом потребностей современного общества (Vostroknutov, 2016:15; Klimenko, 2017:280–302).

Статья 48 Конституции РФ, гарантирующая каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, характеризуется своей бланкетностью, отсылающей к иным нормативным правовым актам, действие которых обусловлено правовым регулированием институтов, оказывающих квалифицированную юридическую помощь. Одним из таких правовых актов является Закон РФ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации». Вместе с тем в самом законе дефиниция квалифицированной юридической помощи не раскрыта.

Толковые словари под термином «квалифицированный» понимают «обладающий специальными знаниями, умениями, навыками» (Efremova, 2000), а под «профессионализмом» — «интегральное свойство человека как совокупности

устойчивых особенностей профессионала, обеспечивающих определенный качественно-количественный уровень (эффективность, надежность, качество и др.) профессиональной деятельности, при выполнении ее в разнообразных условиях» (Druzhilov, 2012:2).

Соответственно, в основе квалифицированной юридической помощи лежат два ключевых критерия: во-первых, наличие специальных знаний и навыков; во-вторых, качество оказываемой помощи.

Отталкиваясь от разделяемой нами точки зрения, что оказание квалифицированной юридической помощи является прерогативой, в первую очередь, адвокатуры (Voronov, 2018:10), проследим эволюцию представлений о юридической помощи в России.

Формирование первых представлений о профессиональной юридической помощи в России

Появлению профессиональной адвокатуры в России предшествовал длительный период предавкатуры, представленной представительством сначала родственным и дружественным, что было обусловлено простотой правовых норм, не требующих специальных навыков и знаний для их применения. Усложнение правовых норм, дифференциация процесса порождает необходимость профессионализации представительства, что начинает проследиваться в период принятия и применения Соборного Уложения, без закрепления каких-либо требований (Gavrilov, Gavrilova, 2018:63).

Дальнейшее нормотворчество позволяет сделать вывод о законодательном закреплении требований, предъявляемых к судам и лицам, способствующим правосудию. Так, в Кратком изображении процессов и судебных тяжб 1715 г. указывается на обязательное присутствие в судопроизводстве кригсрехтов аудиторов в виду отсутствия специальных знаний у военных судей (Gavrilova, Kozlova, 2017:218), именно в этом законе, впервые вводятся в нормативный оборот термины «юридический» и «адвокат», под которым, впрочем, понималось исключительно представительство.

Первый проект об адвокатуре 1820 г. впервые говорит о необходимости квалификации стряпчих (адвокатов), которые «по обязанности должны быть людьми опытными и сведущими в делах»¹.

Однако только с принятием Судебных уставов 1864 г. можно говорить о классическом понимании адвокатуры и оказании присяжными поверенными квалифицированной юридической помощи. Не оперируя терминами «квалифицированная юридическая помощь» и «юридическая помощь», Учреждение су-

---

¹ «Вѣсти Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ» — исторический проект ФПА РФ, приложение к «Новой адвокатской газете» // Новая адвокатская газета № 8 (241) 2017, available at: http://www.advgazeta.ru/img/uploaded/files/2017/Vesti_Sovetov_4.pdf (Accessed 25 August 2017).

дебных установлений устанавливает квалифицируемость адвокатской помощи, определяемой наличием высшего юридического образования и практических сведений, полученных на должностях по судебному ведомству либо в качестве помощников присяжных поверенных (ст. 354) (Kutafin, Lebedev, 2003:435).

Вместе с тем невозможность в полной мере реализовать квалификационные положения данного закона, в виду отсутствия достаточного числа юристов, соответствующих данным требованиям, в особенности в регионах, отдаленных от ведущих городов (Москва, Санкт-Петербург, Харьков), в которых располагались высшие учебные заведения, предопределило сохранение и непрофессионального представительства — частных поверенных и других лиц, которым законом не воспрещено ходатайство по чужим делам (родители, супруги, дети, лица, заведующие по доверенностям именными или делами тяжущихся) (ст. 389) (Kutafin, Lebedev, 2003:440).

В то же время необходимость бороться с подпольной, зачастую низкоквалифицированной и коррупционной адвокатурой предопределила изменения в Учреждение судебных установлений относительно законодательного регулирования деятельности частных поверенных. Согласно таким дополнениям в рамках гражданского судопроизводства частными поверенными могли стать лица, получившие свидетельство на право ходатайствовать по чужим делам в том суде, который выдал данный документ (мировые суды округа мирового съезда, окружной суд, судебная палата) (ст. 406²) (Kutafin, Lebedev, 2003:442). При этом свидетельство могло быть выдано лицам, имеющим юридическое образование либо не имеющим такового, но сдавшим экзамен на обладание специальными знаниями в суде, т.е. требования о квалификации предъявлялось и к ним.

Несмотря на это, законом все-таки не воспрещалось непрофессиональное представительство, но устанавливались требования, наличие которых запрещало ходатайство по чужим делам. Так, Уставы гражданского судопроизводства и уголовного судопроизводства 1864 г. (далее УГС и УУС) устанавливали, что в мировых и общих судебных установлениях представителями не могут быть: несовершеннолетние; представители черного и белого духовенства, равно как и отлученные от церкви либо исключенные из дворянских собраний в силу совершения неблаговидных проступков; банкроты и расточители; лица, работающие в судах (судьи, прокуроры и др., исключением были только кандидаты на должности по судебному ведомству); лишенные всех или особенных прав состояния, что означало совершение уголовно-наказуемого деяния; учащиеся, а значит не имеющие оконченного образования, что указывало на квалификационное требование (ст. 44, 246 УГС², ст. 44, 565 УУС³).

---

² Устав гражданского судопроизводства 1864 г. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 590 с., available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=273600> (Accessed 16 November 2019).

³ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 646 с., available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=273602> (Accessed 16 November 2019).

Генезис юридической помощи в советский период российской государственности

Советская правовая система аналогично дореволюционной не оперирует правом на квалифицированную юридическую помощь. В то же время, обращая внимание на конституционные гарантии, выделим Конституцию СССР 1936 г., впервые закрепившую обеспечение обвиняемому права на защиту (ст. 111), и Конституцию СССР 1977 г., определившую, что для оказания юридической помощи гражданам и организациям действуют коллегии адвокатов (ст. 161).

В нормативных правовых актах об адвокатуре советского периода, термин юридическая помощь впервые находит отражение в Положении о коллегиях членов коллегии защитников от 27 февраля 1932 г., которая оказывалась населению, государственным и общественным организациям, путем: юридических советов, составления правовых документов; ведения судебных и административных дел. В других нормативных актах советского периода юридическая помощь полностью отождествлялась с адвокатской деятельностью и расширялась в связи изменениями процессуального и иного законодательства. Так, согласно Положению об адвокатуре РСФСР от 25 июля 1962 г. юридическая помощь расширяется за счет участия адвокатов на предварительном следствии и представительства в арбитраже по поручению предприятий, учреждений, организаций и колхозов.

Отметим, что квалификация представителя и качество оказываемой юридической помощи в советский период не являлись приоритетными задачами государственной политики.

Парадигма правового нигилизма в первые годы советской власти обусловила отсутствие каких-либо квалификационных требований к лицам, которые могут оказывать юридическую помощь. Квалификация зачастую подменялась принципом политической лояльности. Так, Декрет о суде № 1 вводит общегражданскую защиту (Gavrilov, Svyatkin, 2016:28), установив, что право защищать и поддерживать обвинение в суде является достоянием любого гражданина, обладавшего политическими правами (в частности не лишеного избирательного права).

Декрет о суде № 2 стал основой советского феномена общественной защиты, что было предопределено ленинской концепцией отправления правосудия с широким привлечением представителей общественности. Общественными защитниками могли быть лица, избираемые и отзываемые Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в коллегии правозаступников, иных требований не устанавливалось.

Положение о народном суде от 30 ноября 1918 г. установило, что членами коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе не могут быть лица: 1) лишенные избирательного права, 2) использующие наемный труд для извлечения прибыли, 3) живущие на нетрудовые дохо-

ды, 4) занимающиеся предпринимательской деятельностью, 5) представители духовенства, 6) бывшие служащие полиции и жандармерии, 7) душевнобольные, 8) осужденные за корыстные и порочащие преступления.

Первая попытка приблизить общегражданскую защиту к оказанию хоть и не квалифицированной юридической помощи, но, по крайней мере, лицами, обладающими специальными знаниями, связана с принятием Декрета СНК РСФСР от 11.05.1920 г. «О регистрации лиц с высшим юридическим образованием». Однако «военный коммунизм» и несостоятельность местных органов помешали наладить систему учета юристов и возвести их деятельность во всеобщую юридическую повинность, так и оставив население без должной юридической помощи.

Замена парадигмы «правового нигилизма» на концепцию построения социалистического права предопределило создание адвокатуры нового типа. Однако первое Положение о коллегии защитников от 5 июля 1922 г. является ярким примером политики общественной защиты и разрушения классической адвокатуры, поскольку им устанавливалось, что членами коллегии защитников могут быть лица, имеющие практический стаж ответственной работы не менее 2-х лет в органах советской юстиции (судьи, следователи, члены отделов юстиции и др.) (ст. 2). Тем самым был порожден феномен «адвокат — юрист без юридического образования». Говорить о квалифицированной юридической помощи в этот период достаточно сложно. Безусловно, это не касается деятельности представителей дореволюционной адвокатуры, работающих в рядах новой советской фемиды. В то же время советская периодика не раз акцентировала внимание на непрофессионализме новоиспеченных отечественных адвокатов «...совершенно никчемных, бездарных или неопытных, не пользующихся доверием населения..., способных дискредитировать коллегии...» (Gal'perin, Popov, Fal'kevich et al., 1925:584).

Допущение в адвокатуру лиц, не имеющих юридического образования, породило устойчивую практику сохранения данного феномена и в последующих нормативных правовых актах об адвокатуре, что было детерминировано наличием уже давно практикующих юристов, так и не получивших юридического образования, и проблемами обеспечения юридического образования в советском государстве.

Так, Положением об адвокатуре от 16 августа 1939 г. наряду с лицами, имеющими юридическое образование, в коллегии адвокатов допускались кандидаты, «не имеющие юридического образования, но проработавшие не менее трех лет в качестве судей, прокуроров, следователей и юрисконсультов» (ст. 6). Положением «Об адвокатуре РСФСР» от 25 июля 1962 года устанавливалось, что «в виде исключения, с разрешения Совета Министров автономной республики, краевого или областного исполкома, Московского, Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся в члены коллегии могут приниматься

лица, не имеющие высшего юридического образования, при наличии стажа работы по специальности юриста не менее 5 лет» (ст. 9).

Императивное требование о наличии юридического образования у кандидатов в члены коллегии адвокатов появляется лишь в Законе СССР «Об адвокатуре в СССР» от 30.11.1979 г., что было воспроизведено и республиканскими положениями. Так, в рамках круглого стола, посвященного вопросам повышения роли адвокатуры в оказании юридической помощи гражданам, в 1985 г. отмечалось, что практически все из действующих на тот период 23 тысяч адвокатов в стране имели высшее юридическое образование (Suharev, 1985:93).

На этом же круглом столе впервые был поставлен вопрос о необходимости конституционного и процессуального закрепления права на квалифицированную юридическую помощь.

Вместе с тем ретроспективный анализ качественного содержания юридической помощи в советский период позволяет сделать вывод о ее прямой зависимости от социокультурных трансформаций политической и правовой системы государства (Nemytina, Miheeva, 2017:331–354).

Период становления социалистической законности вкладывает в содержание юридической помощи выполнение полезных для нового государства задач, а именно участие коллегий в строительстве Республики и проведении начал революционной законности (Gal'perin, Popov, Fal'kevich et al., 1925:584). Важной задачей советской адвокатуры в начале ее становления являлось обеспечение юридической помощи широкой массе трудящихся и крестьянства. В связи с чем отмечалось, что «юрист в деревне — это не просто человек, разъясняющий законы или пишущий деловые бумаги, он, прежде всего, должен вообще быть культурным работником деревни. Наряду с учителями, врачами и агрономами, юрист является общественным деятелем, организатором масс, проводником политики рабоче-крестьянского государства и, наконец, лицом, всемерно содействующим и помогающим делу развития производительных сил в деревне и организации сельского хозяйства по социалистическому пути». Поэтому к советскому адвокату предъявлялось не столько требование о наличии юридического образования и практического опыта, сколько о знании психологии крестьянина, современного политического и экономического положения деревни, мельчайших подробностей крестьянского быта (Mironov, 1926:2).

Дальнейшее развитие адвокатской деятельности, призванной оказывать юридическую помощь населению, также не лишено недостатков. Советские исследователи, характеризуя деятельность адвокатов в 1930-е годы, отмечали, что «нынешнюю юридическую помощь ни в коем случае нельзя назвать ни общественной как в смысле ее близости к населению, так и в отношении ее оплаты, ни качественно удовлетворительной», указывая на недостаточное число юридических консультаций и защитников или отсутствие таковых в некоторых регионах Союза. Проблема малограмотности юристов в этот период по-прежнему является актуальной: «недостаточно квалифицированные, иногда юридически ма-

лограмотные люди, а порою и не отвечающие своему назначению в моральном отношении субъекты, пролезшие какими-то судьбами или путями в ряды советской защиты и своей практикой, напоминающей в ряде случаев практику подпольных адвокатов, дискредитирующие почетное звание советского адвоката и институт советской защиты» (Volkov, 1938:89). В качестве существенного недостатка также отмечалось, что сплошь и рядом оказание юридической помощи населению построено на началах, весьма напоминающих организацию коммерческого предприятия, при этом «большие заработки отдельных защитников находятся часто в разительном контрасте с их квалификацией. Такое положение является прямым издевательством над принципами оплаты труда защитника, долженствующими обеспечить высокое качество его работы и рост квалификации» (Volkov, 1938:90). Таким образом, несмотря на отсутствие дефиниции квалифицированной юридической помощи, понимание таковой базировалось на критериях доступности, юридической грамотности и профессиональности в рамках выполнения вместе с судом и прокуратурой превалирующей задачи охраны и укрепления социалистической законности, охраны и защиты гарантированных Конституцией прав трудящихся.

Последующая эволюция представлений о квалифицированной юридической помощи непосредственно связана с либерализацией уголовного и уголовно-процессуального законодательства, правоприменения и правопонимания законодательных изменений в 1960-е годы и необходимости их должной реализации. В частности, в советском уголовном процессе принцип презумпции невиновности долгое время не признавался и считался неотъемлемым элементом буржуазного права. Отход от такого понимания наблюдается в период оттепели, ст. 122 УПК РСФСР 1960 г. устанавливает, что, лицо может быть задержано только при наличии достаточных на то доказательств. На конституционном уровне презумпция невиновности находит отражение лишь в ст. 160 Конституции СССР 1977 г.: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом» (Nedbailo, 2019:228). В свете этого, обсуждая вопросы квалифицированной юридической помощи в 1985 г., практикующие адвокаты отмечали необходимость усиления пропаганды принципа презумпции невиновности: «Трудно переоценить значение презумпции невиновности для заинтересованности судей в поддержании усилий защиты подсудимого в суде, особенно если принять во внимание возложенную на органы предварительного следствия обязанность объективно и всесторонне устанавливать все имеющие уголовно-правовое значение обстоятельства, т. е. обязанность устанавливать истину» (Alekseeva, 1985:87).

Серьезным препятствием к оказанию квалифицированной юридической помощи являлось ограниченное участие адвоката-защитника в уголовном процессе на стадии досудебного производства. В связи с этим следует отметить несогласованность норм Положения об адвокатуре РСФСР 1962 г. (ст. 3), Закона

об адвокатуре в СССР 1979 г. (ст. 9) с нормами действующего Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, принятого еще в 1960 г. (ст. 47). С одной стороны, номинировалось участие адвокатов на стадии предварительного следствия, с другой же — определялся порядок допущения защитника к участию в деле лишь с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявления ему для ознакомления всего производства по делу.

Кроме того, в соответствии со ст. 120 УПК РСФСР не предусматривалось участие защитника при производстве дознания по делам, по которым предварительное следствие не обязательно. Естественно, тот факт, что необходимость допуска защитника к делу возникает уже с момента задержания подозреваемого, не мог не отражаться в худшую сторону на качестве правовой помощи.

Изъяны были присущи и гражданскому процессу. Так, Гражданскими процессуальными кодексами 1923 г. (ст. 16) и 1964 г. (ст. 44) было предусмотрено не только договорное представительство членами коллегий адвокатов, но и непрофессиональное представительство любыми физическими дееспособными лицами, а также общественное представительство. Какой-либо образовательный ценз или квалификационные требования к статусу представителя советские гражданские процессуальные кодексы не устанавливали.

В качестве серьезного недостатка в оказании квалифицированной юридической помощи практикующими юристами указывалось отсутствие обязательного участия адвоката-представителя в гражданском процессе по аналогии со ст. 49 УПК РСФСР, особенно в отношении недееспособных или не обладающих полной дееспособностью граждан, чьи интересы защищают в суде их родители, усыновители, опекуны, попечители или иные лица (Murad'yan, 1985:89). Отстаивание такой позиции базировалось на принципе политико-правового признания равенства перед законом, и, соответственно, необходимости ведения дела в гражданском процессе только через адвоката-представителя, поскольку мера действительного понимания закона, владения и умения пользоваться им дифференцирована и зависит как от общей (общеобразовательной) подготовки, так и от удовлетворительности специальных правовых познаний.

Стоит обратить внимание и на регламентированную законом бесплатную юридическую помощь. В частности, на основании Закона СССР «Об адвокатуре» от 30 ноября 1979 г. коллегии адвокатов оказывают бесплатно юридическую помощь: истцам в судах первой инстанции при ведении дел о взыскании алиментов и трудовых дел; по искам колхозников к колхозам об оплате труда; о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, связанным с работой; о возмещении вреда, причиненного смертью кормильца, наступившей в связи с работой, а также гражданам при составлении заявлений о назначении пенсий и пособий; гражданам по жалобам на ошибки в списках избирателей; депутатам Советов народных депутатов при даче консультаций по вопросам законодательства, связанным с осуществлением ими депутатских полномочий; членам товарищеских судов и добровольных народных дружин по

охране общественного порядка при даче консультаций в связи с их общественной деятельностью (ст. 11). Вместе с тем обязательность участия по таким категориям дел в качестве представителя адвокатов, низкий размер оплаты их труда при работе по назначению порождало отсутствие конкуренции и, как следствие, отрицательно влияло на качество правовой помощи.

С проблемой компенсации бесплатной юридической помощи насущным стал вопрос и определения вознаграждения по таксе, установленной государством. Если в период становления и советизации адвокатуры низкие ставки оплаты юридической помощи обосновывались неудовлетворительным материальным положением рабочих и некоторых служащих и возможностью оказывать юридическую помощь по низким ставкам, не снижая ее качества, так как гонорар обычно определялся не по таксе, а по соглашению с обеспеченными лицами, которые фактически оплачивали юридическую помощь, не только полученную ими самими, но и оказанную бедным слоям населения, то постепенно эти причины отпадали в силу роста благосостояния населения, однако размер таксы менялся крайне редко. Практикующие юристы отмечали, что за историю советской адвокатуры такса устанавливалась четыре раза: в 1922 г., в 1939 г., в 1966 г. и последняя — в 1977 г. (Stetsovsky, 1985:98). Адвокаты по назначению, чьи услуги государством оплачивались по необоснованно низким ставкам, стремясь заработать больше, вынуждены были брать поручения по значительному числу дел, что, естественно, не способствовало качеству оказываемых услуг и препятствовало эффективности судопроизводства.

Непростым является вопрос об оплате труда многих адвокатов, участвующих в уголовных делах по назначению. Число поручений по таким делам систематически возрастало, в то время как качество оказываемой юридической помощи оставляло желать лучшего, поскольку адвокат не получал вознаграждения непосредственно после завершения работы над делом. Оплата происходила спустя длительное время, частями, а иногда и вовсе не производилась.

Как уже говорилось выше, во второй половине XX столетия вопрос об оказании квалифицированной юридической помощи зачастую поднимался в свете развития и изменения действующего законодательства, ярким подтверждением тому стала кодификация административного права. Принятие в 1980 г. Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях и в 1984 г. Кодекса об административных правонарушениях РСФСР закрепило право лица, привлекаемого к административной ответственности, «при рассмотрении дела пользоваться юридической помощью адвоката» (ст. 35). В результате, для обеспечения реализации ст. 5 Основ, гласящей, что «никто не может быть подвергнут мере воздействия в связи с административным правонарушением иначе как на основаниях и в порядке, установленных законодательством», адвокаты начали повышать свою квалификацию, а некоторые из них — специализироваться на делах об административных правонарушениях.

Нельзя не отметить и тот факт, что изменения и развитие советского законодательства предопределило потребность населения в квалифицированной юридической помощи, в свете чего активный спрос населения не всегда соответствовал доступности юридической помощи в виду искусственного сдерживания установленными Госпланом и Министерством юстиции РСФСР лимитом по труду и фонду заработной платы. Так, согласно ст. 6 Положения об адвокатуре РСФСР 1980 г. численный состав, штат, смету доходов и расходов коллегии адвокатов устанавливало общее собрание адвокатов с последующим утверждением Советом Министров автономной республики, исполкомом краевого, областного, городского Совета народных депутатов. Таким образом, государственное регулирование численности адвокатов, зачастую не учитывающее реального положения дел на местах, приводило к тому, что действующие адвокаты были неспособны оказать правовую помощь всем нуждающимся, а новые адвокаты не могли быть приняты в коллегии по причине «отсутствия вакантных мест». Указанная ситуация отрицательно сказывалась на защите прав и законных интересов граждан и организаций, создавала трудности в работе судов и следственных органов, приводила к нарушению сроков расследования и рассмотрения дел.

Придание институту адвокатуры публично-конституционного статуса с принятием Конституции СССР 1977 г. предопределило обязанность адвокатов оказывать квалифицированную юридическую помощь. В этой связи остро встал вопрос о качественном составе действующих коллегий, поскольку ранее адвокатура рассматривалась как некий второстепенный и вспомогательный институт, то и образовательные программы не уделяли должного внимания адвокатской деятельности. Стоит констатировать, что и в 1980-е гг. ситуация в образовании мало изменилась. Так, Президиум Московской городской коллегии адвокатов отмечал: «К сожалению, на юридическом факультете МГУ студентов непосредственно к адвокатской деятельности не готовят, и по окончании факультета они еще профессионально не пригодны. Поэтому мы вынуждены после приема стажеров учить их на специальных курсах, где они изучают основы профессиональной деятельности адвокатов» (Apraksin, 1985:96).

Отметим и изменение векторальности к классическому пониманию адвокатской деятельности. Если в период правового нигилизма и дальнейшей советизации адвокатуры, характеризующийся истреблением всех буржуазных элементов адвокатской деятельности, умение публичного выступления по всем правилам ораторского искусства было задвинуто на второе место, то поднятие проблемы качественной юридической подготовки будущих адвокатов вскрыло данные недостатки: «Встречаются неплохо подготовленные профессионально юристы, у которых отсутствует дар речи. И им приходится в адвокатуре очень трудно. Поэтому воспитание у студентов умения выступать — важная задача юридического факультета» (Apraksin, 1985:96).

Право на квалифицированную юридическую помощь в современной России и на постсоветском пространстве: сравнительно-правовой анализ

Современное понимание права на квалифицированную юридическую помощь на постсоветском пространстве определяется как основными законами суверенных государств, так и другими нормативными правовыми актами, регулирующими сферу оказания юридической помощи.

В то же время о конституционной универсализации такого права на постсоветском пространстве говорить не приходится. В данном контексте дифференцируем основные законы бывших советских республик следующим образом:

1. Государства, чьи конституции закрепляют универсальное право на квалифицированную юридическую помощь: Российская Федерация, Казахстан, Кыргызстан, Украина, в основном законе последней «квалифицированная» заменен термином «профессиональная»;

2. Государства, чьи конституции закрепляют «право на судебную защиту» либо «право на защиту гарантируется»: Узбекистан, Молдова, Беларусь, Грузия;

3. Государства, чьи конституции закрепляют право на юридическую помощь, не оперируя термином «квалифицированная»: Туркменистан, Таджикистан, Армения, Азербайджан;

4. Государства, чьи конституции получение юридической помощи связывают с правом на обращение в суд, вследствие нарушения их права, либо с правом защищать свои права в справедливом суде: Литва, Латвия, Эстония.

Вместе с тем, учитывая, что по своей конституционной природе и социально-правовому содержанию институт правовой (юридической) помощи находится в тесной взаимосвязи с институтом судебной власти, нельзя говорить, что рядом государств умаляется значение права на квалифицированную юридическую помощь, поскольку конституционное право на правовую помощь справедливо относят к числу основных конституционных гарантий права на доступ к правосудию, которое, в свою очередь, является неотъемлемой составляющей права на судебную защиту (Vilchuk, 2016:46).

Обращая внимание на дефиницию «квалифицированная юридическая помощь», отметим, что в ряде случаев законы постсоветского пространства ограничиваются лишь указанием таковой, не раскрывая ее содержания, однако в подавляющем большинстве речь идет об ее отождествлении с адвокатской деятельностью. В частности закон об адвокатуре Таджикистана указывает, что адвокатская деятельность — профессиональная деятельность лиц, получивших статус адвоката, по оказанию квалифицированной юридической помощи физическим и юридическим лицам для защиты их прав, свобод и законных интере-

сов, а также обеспечения доступа к правосудию (ст. 1)⁴. Аналогично Таджикистану в Кыргызстане «адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими лицензию на право занятия адвокатской деятельностью в порядке, установленном настоящим Законом, физическим и юридическим лицам, государственным органам, органам местного самоуправления (далее — доверителям) и подзащитным (в случаях обязательного участия адвоката в уголовном судопроизводстве в качестве защитника) в целях защиты и обеспечения их прав, свобод и законных интересов, а также доступа к правосудию (ст. 16)⁵.

В качестве исключения можно отметить законодательство Молдовы, которым так же, как и в «Основных принципах, касающихся роли юристов»⁶ раскрывается дефиниция «квалифицированная юридическая помощь» посредством списка функций адвоката (Kireeva, Asanova, 2019:49): «как предоставление юридических консультаций, представительство и/или защита в органах уголовного преследования, в судебных инстанциях по уголовным делам, делам об административных правонарушениях, гражданским или административным делам, представительство в органах публичного управления»⁷.

Особо стоит обратить внимание на закон Казахстана об адвокатской деятельности и юридической помощи, содержащий дефиниции не только адвокатской деятельности как вида юридической помощи, оказываемой на профессиональной основе, но и дефиниции деятельности юридических консультантов как вида профессиональной деятельности по оказанию юридической помощи, а также определения юридической помощи как деятельности, направленной на обеспечение реализации закрепленного пунктом 3 статьи 13 Конституции Республики Казахстан права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе с использованием специальных юридических знаний и навыков⁸.

Поскольку институт адвокатуры является доминирующим в системе оказания квалифицированной юридической помощи, отметим, что во всех пост-

⁴ Закон Республики Таджикистан от 18 марта 2015 г. № 1182 «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.02.2017 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 14 November 2019).

⁵ Закон Кыргызской Республики от 14 июля 2014 г. № 135 «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности» (с изменениями по состоянию на 19.04.2017 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 16 November 2019).

⁶ Основные принципы, касающиеся роли юристов. Приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Гавана, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 года // Официальный сайт Организации Объединенных наций, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml (Accessed 12 November 2019).

⁷ Закон Республики Молдова от 26 июля 2007 г. № 198-XVI «О юридической помощи, гарантируемой государством (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.11.2018 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 10 November 2019).

⁸ Закон Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» от 5 июля 2018 г. № 176-VI ЗРК (с изменениями от 21.02.2019 г.) // ИС Юрист, available at: <https://online.zakon.kz>. (Accessed 12 November 2019).

советских государствах адвокат — это лицо, не только имеющее юридическое образование и практический стаж, но и сдавшее специальный (квалификационный) экзамен и получившее в связи с этим статус адвоката.

В Российской Федерации актуализация квалифицированной юридической помощи в настоящее время приобрела широкомасштабную деятельность, инициированной Концепцией регулирования рынка профессиональной юридической помощи (Inshakova, Kviciniya, 2018:80). Основной целью планируемых преобразований является создание системы профессиональной правовой помощи путем совершенствования адвокатской деятельности и квалификации непрофессионального представительства.

Тенденция профессионализации оказания юридической помощи свойственна и другим государствам постсоветского пространства. Данная практика осуществляется в русле «Основных принципов, касающихся роли юристов»⁹ и Резолюции Комитета министров Совета Европы о юридической помощи и консультации¹⁰, устанавливающих как обязательные требования к юристам, так и основные полномочия, а также права и гарантии их реализации. Несмотря на рекомендательный характер Основных принципов, положения данного документа планомерно имплементируются в законодательство стран — участниц СНГ (Bakulina, 2017:31).

В уголовно-процессуальном законодательстве большинства государств постсоветского пространства закреплено правило о допустимости участия в качестве защитника по уголовному делу только лица, имеющего статус адвоката. Вместе с тем стоит указать своеобразие уголовно-процессуальных кодексов (далее — УПК) Узбекистана и Туркменистана, где налицо не императивность, а диспозитивность нормы, поскольку присутствующие установления: «В качестве защитников в деле могут участвовать адвокаты» (ст. 49 УПК Узбекистана) и «В качестве адвоката законных интересов подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или потерпевшего могут выступать адвокаты, представители общественных объединений, близкие родственники и иные представители подзащитного» (ст. 81 УПК Туркменистана), — свидетельствуют о возможности осуществления защиты другими лицами. В этих государствах до сих пор сохранена советская практика общественных защитников, направляемых общественными объединениями и коллективами (ст. 81 УПК Туркменистана, ст. 42 УПК Узбекистана), что указывает на возможность непрофессиональной защиты, недопустимой в современном правовом государстве, где гарантией реального обеспечения прав подсудимого является квалифицированная юридическая по-

---

⁹ Основные принципы, касающиеся роли юристов. Приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Гавана, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 года // Официальный сайт Организации Объединенных наций, available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/role_lawyers.shtml (Accessed 12 November 2019).

¹⁰ Резолюция Комитета Министров о юридической помощи и консультациях (Совет Европы) от 02 марта 1978 г. № (78)8 // СПС КонсультантПлюс. (Accessed 25 December 2019).

мощь со стороны адвоката, выбранного или назначенного судебным органом (Skendera, Mëngjesi, 2014:200).

Аналогично уголовному судопроизводству кодексы об административных правонарушениях и административной ответственности, принятые в ряде постсоветских государств, указывают, на то, что защитником лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, может быть только адвокат. К таковым государствам, в частности, можно отнести Беларусь (ст. 4.5)¹¹, Туркменистан (ст. 491)¹², Таджикистан (ст. 29)¹³, Молдову (ст. 392)¹⁴, Узбекистан (ст. 297)¹⁵, Кыргызстан (ст. 316)¹⁶, Азербайджан (ст. 65)¹⁷ др. При этом в некоторых государствах можно отметить диспозитивное установление требований к статусу защитника. Например, в Украине как защитником, так и представителем может быть адвокат или иной специалист в области права, который по закону имеет право на предоставление правовой помощи лично или по поручению юридического лица (ст. 269, 270)¹⁸; в Российской Федерации в качестве защитника или представителя к участию в производстве по делу об административном правонарушении допускается адвокат или иное лицо (ст. 25.5)¹⁹, такие же требования сохранены в проекте Процессуального кодекса РФ об административных правонарушениях (ст. 2.3)²⁰.

¹¹ Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. № 194-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.07.2019 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 16 November 2019).

¹² Кодекс Туркменистана «Об административных правонарушениях» от 29 августа 2013 г. № 422-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.11.2019 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 13 November 2019).

¹³ Процессуальный кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 975 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.05.2018 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 10 November 2019).

¹⁴ Кодекс Республики Молдова от 24 октября 2008 г. № 218-XVI «О правонарушениях» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.12.2019 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 14 November 2019).

¹⁵ Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2015-XII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.01.2020 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 10 November 2019).

¹⁶ Кодекс Кыргызской Республики о нарушениях от 13 апреля 2017 г. № 58 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.01.2020 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 05 November 2019).

¹⁷ Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.11.2019 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 16 November 2019).

¹⁸ Кодекс Украины об административных правонарушениях от 7 декабря 1984 года № 8073-X (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.12.2019 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 12 November 2019).

¹⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2020) // СПС Консультант Плюс. (Accessed 16 November 2019).

²⁰ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов, available at: <https://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch?type=ListView#npa=99061> (Accessed 15 February 2020).

При этом в отношении представителей потерпевшей стороны столь жестких требований не установлено: в Беларуси и Азербайджане помимо адвокатов представителями могут быть близкие родственники; в Туркменистане и Таджикистане — иные лица, имеющие право оказывать юридическую помощь; в Молдове требования к представителям потерпевшего отсутствуют.

Особо обратим внимание на кодекс об административных правонарушениях Казахстана. В нем не устанавливаются требования ни к защитнику, ни к представителю, однако в п. 1 ст. 20²¹ указывается на то, что каждый имеет право на получение квалифицированной юридической помощи в ходе административного производства, и, в случаях, предусмотренных законом «Об адвокатской деятельности и юридической помощи», таковая оказывается бесплатно.

Анализ кодексов административного производства на предмет требований о профессиональном представительстве позволил дифференцировать их следующим образом:

- устанавливающие императивно профессиональное представительство, к таковым отнесем: Российскую Федерацию (ст. 55 КАС РФ)²², Украину (ст. 57)²³, Азербайджан (ст. 31)²⁴, Эстонию (ст. 32)²⁵;
- допускающие непрофессиональное представительство наравне с адвокатами: Кыргызстан (ст. 29 — иные лица на основании доверенности)²⁶, Молдова (ст. 45 — отсутствуют требования к представителям)²⁷, Армения (ст. 19 гл. 6 — отсутствуют требования к представителям, за исключением участия на стадии кассационного производства, где должен быть адвокат)²⁸, Грузия (только в судах первой инстанции в лице дееспособных граждан (ст. 14)²⁹, Латвия

²¹ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.01.2020 г.) ИС Юрист, available at: <https://online.zakon.kz>. (Accessed 10 November 2019).

²² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СПС Консультант плюс. (Accessed 05 November 2019).

²³ Кодекс административного судопроизводства Украины от 6 июля 2005 г. № 2747-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.10.2019 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 25 December 2019).

²⁴ Административно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 30 июня 2009 г. № 846-IIIQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.12.2018 г.)// ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 16 November 2019).

²⁵ Административно-процессуальный кодекс Эстонии от 27 января 2011 г. (в ред. 01.01.2020) // ИС JURISTAITAB, available at: <https://v1.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo>. (Accessed 12 December 2019).

²⁶ Административно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 25 января 2017 г. № 13 (с изменениями от 28.07.2017 г.) // ИС Юрист, available at: <https://online.zakon.kz>. (Accessed 18 December 2019).

²⁷ Административный кодекс Республики Молдова от 19 июля 2018 г. № 116 // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 16 November 2019).

²⁸ Кодекс административного судопроизводства Республики Армения от 28 декабря 2013 г. № ЗР-139 (с изменениями от 30.11.2019 г.) // Официальные ведомости Республики Армения. 28 декабря 2013 г. № 73 (1013).1. Ст.1186.1. (Accessed 28 December 2019).

²⁹ Административно-процессуальный кодекс Грузии от 23 июля 1999 г. № 2352-вс // Законодательный вестник Грузии, available at: <https://matsne.gov.ge/ru>. (Accessed 23 December 2019).

(ст. 35 и 36 — дееспособное физическое или юридическое лицо, не лишенное в судебном порядке права на ведение дел других лиц)³⁰. К этой же группе относится Узбекистан, административно-процессуальным кодексом которого предусматривается, что договорными представителями в отношении физических лиц наряду с адвокатами могут быть родственники и лица, допущенные судом. Однако это единственный кодекс об административном судопроизводстве на постсоветском пространстве, указывающий, что профессиональной деятельностью по ведению дел в суде в качестве представителя могут заниматься только адвокаты (ст. 60)³¹.

Обращая внимание на профессиональное представительство в гражданском процессе, скажем, что согласно указанной «Концепции развития рынка профессиональной юридической помощи», в современной России идет процесс профессионализации судебного представительства посредством предъявления обязательного квалификационного требования к представителю в виде наличия высшего юридического образования, полученного в вузе, имеющем государственную аккредитацию.

Так, правила ст. 49 ГПК РФ и 59 АПК РФ в редакции Федерального закона № 451-ФЗ от 28.11.2018 г. закрепляют общие требования о наличии статуса адвоката или высшего юридического образования, или ученой степени по юридической специальности для представителей. В то же время данное требование не распространяется на представителей, участвующих в производстве по гражданским делам у мировых судей и в районных (городских) судах, а также на патентных поверенных, арбитражных управляющих, общественных представителей. Также образовательный ценз не применяется к статусу законного представителя или исполнительного органа юридического лица (Druzhinina, Trezubov, 2019:169).

Солидаризируясь с Е.С. Трезубовым и Ю.Ф. Дружининой, отметим, что подобная регламентация в отношении представительства при производстве у мировых судей и в районных судах как рассматриваемых 99,68% всех гражданских и административных дел в настоящее время предопределена необходимостью обеспечения доступа к правосудию, вместе с тем недостаточная четкость формулировок приведенных правовых норм позволяет предположить, что непрофессиональный представитель сможет участвовать в производстве по рассмотрению жалоб на решения мировых судей и районных (городских) судов в областных и приравненных к ним судах субъекта, кассационных судах общей юрисдикции и Верховном Суде РФ (Druzhinina, Trezubov, 2019:170). Актуальная практика

³⁰ Административно-процессуальный закон Латвии от 27 января 2011 г. (в ред. от 13.03.2019 г.) // Бюро деловой информации, available at: <http://www.pravo.lv>. (Accessed 12 December 2019).

³¹ Кодекс Республики Узбекистан об административном судопроизводстве от 25 января 2018 г. № ЗРУ-462 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.11.2019 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 15 November 2019).

свидетельствует о том, что требования образовательного ценза предъявляются к представителю не в зависимости от родовой подсудности требования, а в зависимости от уровня суда, рассматривающего дело в текущий момент.

Анализ гражданского процессуального законодательства постсоветских государств показал, что во всех кодексах предусматривается возможность самостоятельной защиты своих прав лицом, участвующим в деле, что не лишает его права на ведение дела через представителя. Однако в отношении договорного представительства устанавливаются критерии квалификации разной степени, в связи с чем их можно дифференцировать на четыре группы.

К первой группе отнесем государства, в соответствии с гражданскими процессуальными и арбитражными процессуальными кодексами которых представителем в суде может быть любое дееспособное физическое лицо, имеющее надлежащим образом оформленное полномочие на ведение дела в суде: Таджикистан (ст. 51 ГПК и ст. 58 ЭПК)³², Туркменистан (ст. 132 ГПК ст. 44 АПК)³³, Кыргызстан (ст. 59 ГПК)³⁴.

Во вторую группу входят государства, допускающие привлечение к участию в деле как профессиональных представителей, так и непрофессиональных — близких родственников или супругов, не только в качестве законных представителей по отношению к несовершеннолетним и недееспособным лицам: Беларусь (ст. 72 ГПК и ст. 76 ХПК)³⁵, Армения (ст. 52)³⁶, Азербайджан (ст. 69)³⁷. К этой же группе отнесем Эстонию, ГПК которой указывает, что договорным представителем в суде может быть как адвокат либо иное лицо, получившее в области права ученую степень не ниже признанной государством степени магистра, так и родственник по восходящей или нисходящей линии, или

---

³² Гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 5 января 2008 г. № 341 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.06.2019 г.); Экономический процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 5 января 2008 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2019 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 23 December 2019).

³³ Гражданский процессуальный кодекс Туркменистана от 18 августа 2015 г. № 260-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.11.2017 г.); Арбитражный процессуальный кодекс Туркменистана от 19 декабря 2000 г. № 52-II (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.10.2016 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>.

³⁴ Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 25 января 2017 г. № 14 (с изменениями и дополнениями от 17.05.2019 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 28 December 2019).

³⁵ Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.07.2019 г.); Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.07.2019 г.) // ИС Континент, available at: <http://continent-online.com>. (Accessed 22 December 2019).

³⁶ Гражданско-процессуальный кодекс Армении от 27 февраля 2018 г. № ЗР-110 (в ред. от 09.02.2018) // ИС Континент, available at: <http://ИС Континент, available at: https://continent-online.com>. (Accessed 28 December 2019).

³⁷ Гражданский процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 года № 780-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.05.2019 г.) // ИС Юрист, available at: <https://online.zakon.kz>. (Accessed 12 December 2019).

супруг(-а) участника процесса (ст. 218)³⁸. В соответствии с ГПК Латвии представителем может быть адвокат или иное лицо, допущенное судом, рассматривающим дело, в качестве представителя (ст. 83)³⁹. Сюда же отнесем Узбекистан, где договорными (добровольными) представителями наряду с адвокатами могут быть родственники по прямой восходящей и нисходящей или боковой линии, а также муж (жена) либо его (ее) родственники (ст. 67 ГПК). В соответствии с Экономическим процессуальным кодексом (ЭПК) Узбекистана наряду с адвокатом в качестве представителя по просьбе лиц, участвующих в деле, могут быть допущены иные лица (ст. 61)⁴⁰. Однако и ГПК, и ЭПК Узбекистана указывают, что профессиональной деятельностью по ведению дел в суде в качестве представителя могут заниматься только адвокаты.

Третью группу представляют государства, законодательная практика которых направлена на совершенствование рынка профессиональных юридических услуг, но в то же время гражданское процессуальное законодательство характеризуется диспозитивностью в отношении профессионального представительства по незначительным делам либо делам, подлежащим рассмотрению в судах первой инстанции: Украина, Российская Федерация, Грузия.

В Российской Федерации, как уже отмечалось, представителями могут быть адвокаты либо иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности, кроме дел, рассматриваемых мировыми и районными (городскими) судами, где представителем может быть любое дееспособное лицо (ст. 49 ГПК)⁴¹. Аналогичным образом ГПК Грузии предусматривает профессиональное представительство в лице адвокатов, но допускает при производстве в судах первой инстанции в качестве непрофессиональных представителей любых дееспособных граждан (ст. 94)⁴².

Гражданский процессуальный и Хозяйственный процессуальный кодексы Украины устанавливают, что представителем в суде может быть адвокат и закон-

³⁸ Гражданский процессуальный кодекс Эстонской Республики от 20 апреля 2005 г. (в ред. от 21.02.2019 г.) // ИС JURISTAITAB, available at: <https://v1.juristaitab.ee/ru>.

³⁹ Гражданский процессуальный закон Латвии (принят Сеймом 14 октября 1998 года и обнародован Президентом государства 3 ноября 1998 года) // Бюро деловой информации, available at: <http://www.pravo.lv>. (Accessed 28 December 2019).

⁴⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-ХП (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.10.2019 г.); Экономический процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 24 января 2018 г. № ЗРУ-461. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.11.2019 г.) // ИС Континент, available at: <https://continent-online.com>. (Accessed 02 December 2019).

⁴¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации, available at: www.pravo.gov.ru. (Accessed 01 February 2020).

⁴² Гражданский процессуальный кодекс Грузии от 14 ноября 1997 г. № 1106-Ис (с изменениями от 20.09.2019 г.) // Законодательный вестник Грузии, available at: <https://matsne.gov.ge/ru>. (Accessed 12 December 2019).

ный представитель в отношении несовершеннолетних и недееспособных (родители, опекуны, попечители), но при рассмотрении дел по малозначительным спорам (незначительные дела) представителем может быть лицо, достигшее восемнадцати лет, имеющее гражданскую процессуальную дееспособность (ст. 60 ГПК и ст. 58 ХПК)⁴³.

Таким образом, третья группа государств активно стремится к установлению адвокатской монополии в гражданском процессе. В данном контексте отметим позиции как сторонников, так и противников адвокатской монополии в цивилистическом процессе. Противники апеллируют тем, что адвокатская монополия в гражданском процессе, во-первых, противоречит принципу диспозитивности как одному из основных принципов гражданского судопроизводства, в соответствии с которым лица, участвующие в деле, вправе самостоятельно выбирать, каким способом они будут реализовывать свои гражданские процессуальные права и каким образом придерживаться гражданских процессуальных обязанностей, во-вторых, ведение дела через адвоката влечет за собой серьезные материальные затраты, в-третьих, наличие у лица статуса адвоката не всегда может гарантировать должный уровень оказания юридической помощи доверителя в суде в виду недостатков образовательной системы, личных качеств людей и т.п. (Buchkova, SHurpita, 2015:25). Сторонники в свою очередь придерживаются мнения, что лицо, которое имеет высшее юридическое образование, стаж работы в отрасли права не менее 2-х лет, а также выдержавшее квалификационные испытания и получившее право на занятие адвокатской деятельностью, является, как правило, профессионально более подготовленным для оказания надлежащей юридической помощи доверителю в гражданском судопроизводстве. При этом принцип диспозитивности в гражданском судопроизводстве при фактической «монополии» сохранятся посредством права выбора адвоката (Shpak, 2017:213).

Наконец, четвертая группа включает государства, содержащие императивные установления относительно профессионального представительства: Казахстан и Молдова.

В частности, ГПК Казахстана указывает, что представителями по поручению могут быть адвокаты и лица, являющиеся членами палаты юридических консультантов (ст. 58)⁴⁴, при этом юридическим консультантом является физическое лицо, имеющее высшее юридическое образование, стаж работы по юридической специальности не менее двух лет, прошедшее аттестацию, являющееся-

---

⁴³ Гражданский процессуальный кодекс Украины от 18 марта 2004 г. № 1618-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.10.2019 г.); Хозяйственный процессуальный Кодекс Украины (Арбитражно-процессуальный) от 6 ноября 1991 г. № 1798-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.10.2019 г.) // ИС Континент, available at: <https://continent-online.com>. (Accessed 28 December 2019).

⁴⁴ Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V ЗРК (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.07.2019 г.) // ИС Юрист, available at: <https://online.zakon.kz>. (Accessed 28 December 2019).

ся членом палаты юридических консультантов и оказывающее юридическую помощь (ст. 75)⁴⁵. Законодательством Казахстана непрофессиональное представительство допускается только в рамках законного представительства в отношении недееспособных граждан, несовершеннолетних и лиц, признанных в судебном порядке ограниченно дееспособными, чьи интересы в суде могут защищать их родители, усыновители, опекуны, попечители, патронатные воспитатели или другие заменяющие их лица, которые представляют суду документы, удостоверяющие их полномочия (ст. 62).

ГПК Молдовы предусматривает судебное представительство исключительно в лице адвоката или адвоката-стажера. Даже предусмотренное представительство близкими родственниками (супругом/супругой, родителями, детьми, братьями, сестрами, дедом/бабкой, внуками) в Молдове допускается лишь при наличии у них высшего юридического образования и нотариально удостоверенной доверенности (ст. 75)⁴⁶.

Стоит сказать, что подавляющим большинством цивилистических процессуальных кодексов государств постсоветского пространства регламентируется и общественное представительство или представительство по долгу службы в отношении общественных организаций, учреждений и других юридических лиц, осуществляемое работниками, уполномоченными этих организаций. Полномочия таких представителей подтверждаются служебными удостоверениями или учредительными документами (уставом, договором). Других требований законами не устанавливается. Исключением является ГПК Эстонии, указывающий, что работник или служащий участника процесса может быть в суде договорным представителем, если он, по мнению суда, обладает достаточными знаниями и опытом для представления участника процесса (ст. 218 ГПК Эстонии).

Подытоживая анализ законодательства государств постсоветского пространства на предмет реализации права на квалифицированную юридическую помощь, отметим, что такое исследование осуществлено в основном по принципу наличия формального правового статуса адвоката или наличия соответствующего образования. Однако стоит помнить, что для профессиональной юридической помощи одного статуса адвоката недостаточно, поскольку критерий квалификации и качества базируется на таких признаках, как: высокий уровень правовой культуры и юридической компетентности; честное, добросовестное и профессиональное исполнение своих обязанностей по оказанию юридической помощи; совершенное владение инструментарием и технологией право-

⁴⁵ Закон Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности и юридической помощи» от 5 июля 2018 г. № 176-VI ЗРК (с изменениями от 21.02.2019 г.) // ИС Юрист, available at: <https://online.zakon.kz>. (Accessed 22 December 2019).

⁴⁶ Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова от 30 мая 2003 г. № 225-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.11.2018 г.) // ИС Континент, available at: <https://continent-online.com>. (Accessed 18 December 2019).

применения и др. (Antoniuk, 2019:1007–1008). Стоит также согласиться с коллегами, выделяющими такие требования к оказанию квалифицированной юридической помощи, как: квалификационный ценз и членство в профессиональной саморегулируемой корпорации, которая предъявляет дополнительные требования, в том числе этического и морального характера посредством профессионального контроля, необходимые для эффективного осуществления деятельности (Malko, Afanasiev, Ermakov, 2019:54; Reznik, 2007:25–27). При этом, солидаризируясь с мнением заместителя министра юстиции России Д.В. Новака, саморегуляция профессиональной юридической помощи не обязательно должна осуществляться одной корпорацией: «нет задачи согнать всех практикующих юристов в одну корпорацию, которой будет легко управлять» — это не имеет ничего общего с идеями, заложенными в Концепции⁴⁷. Как показывает опыт Казахстана, таких профессиональных сообществ может быть и два: федеральная палата адвокатов и палата юридических консультантов.

Заключение

Таким образом, первые представления о необходимости наличия специальных знаний при осуществлении представительства и правосудия появляются в начале XVIII столетия, в период активизации нормотворческой деятельности и завершения становления абсолютизма в России, сопряженными тотальной европеизацией правовой и политической системы государства. В то же время понимание квалификационных требований к лицам, призванным оказывать юридическую помощь, появляется в период социокультурной модернизации российской системы правосудия во второй половине XIX века. В советский период условия массового привлечения к правосудию представителей общественности тормозили процесс профессионализации юридической помощи, что стало возможно лишь в третьей четверти XX столетия, в период либерализации дальнейшего развития советского законодательства и устранения дисбаланса между адвокатами, имеющими / не имеющими юридического образования. Вместе с тем современное понимание права на квалифицированную юридическую помощь и его реализации оформляется на рубеже советского и современного периода, что предопределило закрепление такового на конституционном уровне большинства постсоветских государств.

В условиях формирования правового государства на постсоветском пространстве данная практика приобретает особую актуальность. В большинстве случаев квалифицированная юридическая помощь отождествляется с адвокатской деятельностью, при этом постсоветское законодательство демонстрирует

---

⁴⁷ Участники ПМЮФ обсудили Концепцию регулирования рынка профессиональной юридической помощи, available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/uchastniki-pmyuf-obsudili-kontseptsiyu-regulirovaniya-rynka-professionalnoy-yuridicheskoy-pomoshchi/> (Accessed 18 January 2020).

адвокатскую монополию в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях, где адвокаты выступают в роли защитников физического лица, в отношении которого ведется административный процесс. В гражданском и административном судопроизводстве также наблюдается регулирование судебного представительства, но с разной степенью профессионализации в зависимости от уровня развития правовой системы отдельного государства, поскольку такая универсализация и предъявление жестких требований к представителям может породить практику недоступности юридической помощи в связи с дисбалансом юристов в различных населенных пунктах и недостаточностью лиц, отвечающим требованиям, предъявляемым к профессиональным представителям, удорожанием юридической помощи и неотлаженным процессом бесплатной юридической помощи.

В заключении отметим, что, с нашей точки зрения, установление адвокатской монополии возможно лишь в условиях устойчивости гражданского общества и правовой системы. В этой связи регулирование рынка юридических услуг является оптимальной моделью обеспечения квалифицированной юридической помощи. В свою очередь, предъявление к представителям требования о высшем юридическом образовании не противоречит основному закону государства: гарантируя каждому право на судебную защиту его прав и свобод, статья 46 (часть 1) Конституции РФ непосредственно не устанавливает какой-либо определенный порядок реализации данного права и не предполагает возможность выбора гражданином по своему усмотрению той или иной процедуры судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства определяются Конституцией и иными федеральными законами (Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2012 года № 555-О, от 27.09.2016 № 1782-О и др.⁴⁸). Кроме того, поскольку правовые услуги будут предоставляться лицами, имеющими дипломы, подтверждающие наличие у их обладателей специальных знаний и навыков, отмеченное выше требование будет способствовать реализации права на помощь действительно квалифицированную. В этом смысле установление образовательного ценза является первым этапом развития рынка юридических услуг, окончательная стабилизация которого наступит на втором этапе, содержание которого будет определять процесс инкорпорации представителей, обусловленный целевыми установками, связанными с транспарентностью юридической помощи, обеспечением ее качества посредством установления этических стандартов и применением, в случае необходимости, дисциплинарной ответственности.

---

⁴⁸ Законы, кодексы и нормативно-правовые акты, available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitucionnogo-suda-rf> (Accessed 17 February 2020).

Библиографический список / References

- Antoniuk, S. (2019) The Principle of Professionalism of a Lawyer as the Basis for Providing Qualified Legal Assistance to a Client in Civil Legal Proceedings of Ukraine. *Traektoriâ Nauki = The trajectory of science*. 5 (6). 1001–1011. (in Ukraine).
Антонюк С. Принцип профессионализма адвоката как основа надання кваліфікованої юридичної допомоги клієнту в цивільному судочинстві України. *Traektoriâ Nauki = The trajectory of science*. 2019. Т. 5 № 6. С. 1001–1011.
- Alekseeva, L.B., Apraksin, K.N., Savitsky, V.M., et al. (1985) Povyshenie roli advokatury v okazanii yuridicheskoy pomoshchi grazhdanam [Increasing the role of the legal profession in providing legal assistance to citizens]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law]. (2), 85–99. (in Russian).
Алексеева Л.Б., Апраксин К.Н., Савицкий В.М. и др. Повышение роли адвокатуры в оказании юридической помощи гражданам // Советское государство и право. 1985. № 2. С. 85–99.
- Bakulina, S.P. (2017) K voprosu o primenenii osnovnykh principov, kasayushchihysya roli yuristov, v stranah-uchastnic SNG [On the application of the basic principles concerning the role of lawyers in the CIS member States]. *Nauka v sovremennom obshchestve: zakonomernosti i tendentsii razvitiya* [Science in modern society: patterns and trends of development]. Orenburg, С. 30–34. (in Russian).
Бакулина С.П. К вопросу о применении основных принципов, касающихся роли юристов, в странах-участниц СНГ // Наука в современном обществе: закономерности и тенденции развития: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Оренбург, 2017. С. 30–34.
- Balayan, E.Yu. (2015) Constitutional and legal facets of human rights protection within the framework of the modern state functions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 2–2(62), 111–118. (in Russian).
Балаян Э.Ю. Конституционно-правовые аспекты защиты прав человека в контексте функций современного государства // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–2 (62). С. 111–118.
- Bychkova, S., Churpita, A. (2015) Advokat kak uchastnik grazhdanskikh processual'nykh pravootnoshenii [Lawyer as a participant in civil procedural relations]. *Civilisticheskaya processual'naya mysl'* [Civil procedural thought]. (4), 22–30. (in Russian).
Бычкова С., Чурпита А. (2015) Адвокат как участник гражданских процессуальных правоотношений // Цивилистическая процессуальная мысль. 2015. № 4. С. 22–30.
- Gavrilov, S.O., Svyatkin, S.I. (2016) Sovetskaya vlast' i advokatura: problema vzaimootnoshenii [Soviet power and advocacy: the problem of relationships]. *Chelovek i obshchestvo: na rubezhe tysyacheletii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi (zaochnoi) konferentsii* [Man and society: at the turn of the Millennium]. Moscow, 27–38. (in Russian).
Гаврилов С.О., Святкин С.И. Советская власть и адвокатура: проблема взаимоотношений // Человек и общество: на рубеже тысячелетий: материалы Международной научной (заочной) конференции. М.: Наука: информ, 2016. С. 27–38.
- Gavrilov, S.O., Gavrilova, A.V. (2018) The formation and development of human rights bodies in Russia (historical and legal aspect). *Vestnik Universiteta Rossiiskoi Akademii Obrazovaniya* [Bulletin of the University of the Russian Academy of education]. (3). 63–69. (in Russian).

- Гаврилов С.О., Гаврилова А.В. Становление и развитие правозащитных органов в России (историко-правовой аспект) // Вестник Университета Российской академии образования. 2018. № 3. С. 63–69.
- Gavrilova, A.V., Kozlova, N.V. (2017) Educational census as a criterion of professionalism of staffing in the law-enforcement system in the Soviet state. *Modern scientific thought*. (6). 218–225. (in Russian).
- Гаврилова А.В., Козлова Н.В. Образовательный ценз как критерий профессионализма кадрового состава в правоохранительной системе в советском государстве // Современная научная мысль. 2017. № 6. С. 218–225.
- Druzhilov, S.A. (2012) The generalized (integrated) approach to development of professionalism. *Psikhologicheskie Issledovaniya [Psychological Studies]*. (1). 2. (in Russian).
- Дружилов С.А. Обобщенный (интегральный) подход к обеспечению становления профессионализма человека // Психологические исследования. 2012. № 1(21). С. 2, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012n1-21/621-druzhilov21.html#e3>.
- Druzhinina, Yu.F., Trezubov, E.S. (2019) Professional Representation in the Civil Court under the Judicial Reform. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. Volume 2019, 2(10). 165–172. Doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-165-172. (in Russian).
- Дружинина Ю.Ф., Трезубов Е.С. Профессиональное представительство в цивилистическом процессе в свете судебной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. Том 2019, № 2 (10), 2019. С. 165–172. Doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-2-165-172.
- Efremova, T.F. (2000) *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi v 2 tomakh [New dictionary of the Russian language. Interpretative and word-forming]*. Moscow, Russian language Publ. (in Russian).
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный в 2 томах. М.: Русский язык, 2000. 2310 с.
- Inshakova, A.O., Kvitsinia, N. V. (2018) Reform of Legislation on Rendering Qualified Legal Assistance: Constitutional and Legal Consequences of Implementation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]*. (2).79–83. (in Russian).
- Инишакова А.О., Квициния Н.В. Реформа законодательства об оказании квалифицированной юридической помощи: конституционно-правовые последствия реализации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 79–83.
- Kireeva, S.A., Asanova, D.N. (2019) Genesis of the institute of qualified legal aid. *Law Journal Matters of Russian and International Law*. Volume 9, Issue 3A. 45–52. (in Russian).
- Киреева С.А., Асанова Д.Н. Генезис института квалифицированной юридической помощи // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 3А. С. 45–52.
- Klimenko, A.I. (2017) *Pravovaya ideologiya sovremenno go politicheski organizovannogo obshchestva [Legal ideology of a modern politically organized society]*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Клименко А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М.: Норма, 2017. 384 с.
- Kutafin, O.E., Lebedev, V.M., Semigin, G.Yu. (2003) *Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya, dokumenty. Ot Svoda zakonov k Sudebnoj reforme 1864 g. T.III. [Judicial power in Russia: history, documents. From the Code of laws to Judicial reform in 1864]*. Vol. III. In: Naumov, A.V. (ed). Moscow: Thought Publ. 387–447. (in Russian).
- Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. От Свода законов к Судебной реформе 1864 г. Т. III / Отв. ред. А.В. Наумов.

- М.: Мысль, 2003. С. 387–447. Malko, A.V., Afanasiev, S.F., Ermakov, A.N. (2019) Standards of providing qualified legal assistance in the Russian Federation. *The Journal "State and Law"*. (10). 49–57. Doi: 10.31857/S013207690007185-5. (in Russian).
Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Ермаков А.Н. Стандарты оказания квалифицированной юридической помощи в Российской Федерации // Государство и право. 2019. № 10. С. 49–57.
- Mironov, S.A. (1926) Yuridicheskaya pomoshch' derevne [Legal aid to the village]. *Revolucionnaya zakonnost' [Revolutionary legality]*. Moscow, Legal defense Publ. 15/18. 1–6. (in Russian).
Миронов С.А. Юридическая помощь деревне // Революционная законность. Москва: Правовая защита. 1926. № 15/18. С. 1–6.
- Nedbailo, E.A. (2019) The principle of presumption of innocence from the Soviet period to the present. *"Young Scientist"*. 26(264). 226–231. (in Russian).
Недбайло Е. А. Развитие принципа презумпции невиновности в советский и постсоветский период // Молодой ученый. 2019. № 26 (264). С. 226–231.
- Nemytina, M.V., Mikheeva, Ts.,Ts. (2017) Sotsial'nye otnosheniya i pravo v sovetskom obshchestve [The Social Relations and Law in Soviet Society]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki [RUDN Journal of Law]*. 21 (3). 331–354. Doi:10.22363/2313-2337-2017-21-3-331-354. (in Russian).
Немытина М.В., Михеева Ц.Ц. Социальные отношения и право в советском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 3. С. 331–354, doi: 10.22363/2313-2337-2017-21-3-331-354.
- Ragimov, I.M., Baburin, S.N., Golik, Yu.V. (2019) *Sovremennoe gosudarstvo v epohu global'nyh transformacij: analiticheskij doklad [Modern state in the era of global transformations: analytical report]*. I.M. Ragimov, Baburin S.N., Golik Yu.V. [et al.]. Saint Petersburg, LLC "Legal Center-Academy" Publ. (in Russian).
Рагимов И.М., Бабурин С.Н., Голик Ю.В. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик [и др.]. Санкт-Петербург, ООО «Юридический центр-Академия», 2019. 344 с.
- Reznik, G.M. (2007) *K voprosu o konstitucionnom sodержanii ponyatiya "kvalificirovannaya yuridicheskaya pomoshch'" [On the constitutional content of the concept of "qualified legal assistance"]*. Advokat [Lawyer]. (4). 25–27. (in Russian).
Резник Г.М. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» // Адвокат. 2007. № 4. С. 25–27.
- Skendera, K., Mëngjesi, S. (2014) Lawyer of defendant and his role in the criminal process from the viewpoint of the European Convention on Human Rights and the Albanian criminal procedural legislation. *International Scientific Journal*. MMXIV (9). 200–212. DOI:10.7336/academicus.2014.09.13. (in Albania).
- Shpak, M.V. (2017). Principle of Professionalism as the Basis of Qualified Legal Assistance of Lawyer in Civil Procedure. *Bulletin of the national legal Sciences of Ukraine*. (1). 211–219. (in Ukrainian).
Шпак М.В. Принцип професіоналізму як засада надання кваліфікованої правової допомоги адвокатом у цивільному процесі / М.В. Шпак // Вісник Національної академії правових наук України. Харків, 2017. Вип. № 1. С. 211–219.
- Gal'perin, R., Popov, N., Fal'kevich, I. et al. (1925) *Yuridicheskaya pomoshch' selu* [Legal support to the rural areas] *Vestnik Sovetskoi Yusticii* [Bulletin of the Soviet Justice]. 1925. 15(49) — 16(60). 584–585.

Гальперин Р., Попов Н., Фалькевич И. и др. Юридическая помощь селу // Вестник Советской Юстиции. 1925. № 15(49) — 16(60). С. 584–585.

Vilchuk, T.B. (2016) Debatable questions of the lawyer's responsibilities definition in the court: the foreign doctrine. *Проблеми законності = Problems of legality*. (131), 145–155. (in Ukraine).

Вильчик Т.Б. Дискусійні питання визначення обов'язків адвоката в суді: іноземна доктрина // Проблеми законності = Problems of legality. 2015. Вип. 131. С. 145–155.

Volkov, P. (1938) O nedostatkah yuridicheskoy pomoshchi naseleniyu [On the shortcomings of legal aid to the population] *Socialisticheskaya zakonnost' [Socialist legality]*. (12). 89–91. (in Russian).

Волков П. О недостатках юридической помощи населению // Социалистическая законность. 1938. № 12. С. 89–91.

Voronov, A.A. (2018) The Fear of the Attorney Monopoly or an Unintentional Violation of the Right to Competent Legal Counsel in a Criminal Procedure? *Advocate's Practice*. (5). 10–15. (in Russian).

Воронов А.А. Боязнь адвокатской монополии или ненамеренное нарушение права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном процессе? // Адвокатская практика. 2018. № 5. С. 10–15.

Vostroknutov, V.A. (2016) *Mifologicheskii element v sovremennom obshchestvennom pravosoznanii [Mythological element in modern social justice]*. Diss.... cand. legal sciences. National Research Moscow University of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot. (in Russian).

Вострокнутов В.А. Мифологический элемент в современном общественном правосознании: дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.01. Москва, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя. 2016. 180 с.

Об авторе:

Гаврилова Анжелика Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, Юридический институт, Кемеровский государственный университет

ORCID: 0000-0002-7957-1898; SPIN-код: 6655-3952

e-mail: Anzhik77@mail.ru

About the author:

Anzhelika V. Gavrilova — Candidate of Legal Science, Associate Professor, Head of the Department of theory and history of state and law of the law Institute, Kemerovo state University

ORCID: 0000-0002-7957-1898; SPIN-код: 6655-3952

e-mail: Anzhik77@mail.ru